

"Я не верю, что этот разговор принесет те плоды, на которые мы надеемся", - пробормотал Армандо, услышав шаги, поднимающиеся по лестнице за пределами его кабинета.

"Увы, я согласен с тобой, старый друг", - ответил Дамблдор.

"Входи, Гарри", - позвал директор.

Мальчик вошел, хотя, когда Армандо посмотрел на него, он больше не был таким. За почти два года, что он пробыл здесь, он превратился в нечто неузнаваемое для робкого, скорбящего парня, который прибыл в ту роковую июньскую ночь.

Теперь он гордо стоял, став выше, шире в плечах и здоровее.

"Пусть никто не скажет, что ты не преуспеваешь", - поприветствовал его Армандо. "Кажется, что это было только вчера, когда ты вошел в эту самую дверь, потерянный и напуганный".

Гарри усмехнулся.

"Я все еще теряюсь, - ответил он, - но не так сильно боюсь".

"Я не думаю, что ты согласен со своим выбором карьеры", - вмешался Альбус.

Гарри вздохнул.

"Так вот в чем дело?"

"Отчасти", - признал Армандо.

"Мы просто обеспокоены, Гарри", - добавил Дамблдор. "Неужели мы ничего не можем сказать, чтобы заставить тебя пересмотреть свои намерения?"

Гарри покачал головой.

"Если бы вы знали, что будет дальше, вы бы поняли, почему я делаю то, что я есть", - сказал он разочарованно. "Ты мог бы даже перестать почивать на лаврах и сделать что-нибудь с этим сам".

"Я не понимаю", - ответил Дамблдор, нахмутив брови в замешательстве.

"Люди умрут, профессор", - ответил Гарри, подчеркивая титул этого человека, "больше людей, чем вы можете себе представить. Я понимаю, что вы не можете себе представить, что грядет, но для магглов и волшебников это будет похоже на ад на земле. Я не могу просто сидеть сложа руки и позволить этому случиться".

Альбус обеспокоенно посмотрел на Армандо.

"Я понимаю, почему вы чувствуете, что не можете помочь, профессор", - продолжил Гарри, враждебность в его голосе исчезла. "Сначала я этого не сделал, и я был зол на тебя, может быть, я все еще злюсь, но я понимаю это. Только когда я поставил себя на твое место, я понял это."

"Что понял, Гарри?" - спросил Дамблдор.

"Гриндельвальд. Он был твоим другом."

У Дамблдора отвисла челюсть.

"Я полагаю, вы знали это до того, как приехали?"

Гарри покачал головой.

"Я понятия не имел", - искренне сказал он. "Только когда я встретил Батильду Бэгшот, я узнал об этом, и все встало на свои места".

"Я понимаю".

"И я тоже", - устало вздохнул Гарри. "Вот почему я ничего не могу сделать. Вот почему я делаю то, что я есть. Кроме того, у меня это неплохо получится. Если кто-то здесь и может это понять, то это должны быть вы двое."

"Я не сомневаюсь, что так и будет, Гарри", - искренне сказал Армандо. "Я просто не хочу, чтобы вы вмешивались в то, что происходит на континенте".

Гарри невесело рассмеялся.

"Честно говоря, с моей удачей, я думаю, мы можем почти гарантировать, что это произойдет. Неприятности, кажется, сами находят меня", - объяснил он. "Я могу только представить, с чем мне придется столкнуться, когда я отправлюсь на его поиски".

"Тогда зачем это делать?" - спросил Армандо.

Гарри усмехнулся про себя, и на его лице появилось выражение понимания.

"Потому что впереди темные времена, и я должен выбирать между тем, что легко, и тем, что правильно", - пробормотал он. "Кто-то, на кого я равнялся, однажды сказал это, и я только сейчас понимаю, что он имел в виду. Может быть, мои усилия окажутся напрасными, но я не могу сделать ситуацию хуже, чем она будет, если я ничего не буду делать".

Армандо больше ничего не мог сказать, и они с Альбусом наблюдали, как Гарри вышел из кабинета, очевидно, обсудив этот вопрос столько, сколько он был готов.

"Действительно, бесплодно", - вздохнул директор.

Дамблдор угрюмо кивнул.

"Для такого молодого человека он видит мир глазами человека гораздо старше".

Двое мужчин напряглись, когда серия ударов и криков разорвала воздух где-то рядом с офисом, и оба побежали на звук переполоха с палочками наготове.

То, на что они наткнулись, было довольно неприглядным.

Трое студентов седьмого курса Слизерина были без сознания среди россыпи обломков, оторванных от ближайшей стены, а двое других держались на острие меча, каждый в доспехах, украшавших зал.

Последнего, Бэзила Паркинсона, Гарри схватил за горло, оказавшись нос к носу с мальчиком.

"Ты гребаный идиот", - выплюнул Гарри. "Неужели ты ничему не научился за прошлый год?"

Прежде чем Армандо или Альбус смогли вмешаться, Гарри ударил коленом в грудь своего пленника, а затем в нос, когда тот согнулся пополам.

"ЭТОГО ДОСТАТОЧНО!" - крикнул директор, когда Гарри направил свою палочку на поверженного слизеринца.

"Они напали на меня!" - защищался гриффиндорец.

"И именно им от этого хуже", - отметил Армандо. "Отпустите их, мистер Эванс. Я разберусь с ними".

Гарри неохотно подчинился, бросив на своих сверстников последний полный ненависти взгляд, прежде чем умчаться прочь.

"И какое наказание для него?" - спросил Альбус.

"За то, что защищался? Я не буду наказывать его за это", - отрицал Армандо. "Эти мальчики пожалели то, что посеяли".

Альбус, хотя и не высказывал этого вслух, не одобрял действий Гарри.

Как и Армандо, если уж на то пошло, но было трудно испытывать какое-либо сочувствие к слизеринцам, которые сами навлекли это на себя.

Пребывание на континенте никогда не доставляло Ориону Блэку особого удовольствия. Во всяком случае, он всегда рассматривал свои визиты сюда как необходимое препятствие для того, чтобы быть лордом такой выдающейся семьи. Если бы не многочисленные деловые интересы, в которые вложил деньги один из его предков, он бы не стал беспокоиться.

Теперь, однако, он вполне наслаждался своим пребыванием в Болгарии. Еда не всегда была ему по вкусу, и люди здесь были намного проще, но наблюдать за тем, как Геллерт Гриндельвальд руководит своей обширной операцией, было приятно.

Орион уважал амбиции, и хотя время от времени у него возникали сомнения в том, сможет ли Гриндельвальд даже заручиться достаточной поддержкой, чтобы его усилия увенчались успехом, оказалось, что он ошибался.

Мужчины и женщины приезжали отовсюду, чтобы посвятить себя ему. Среди них были французы, немцы, и он даже встретил нескольких соотечественников, которые совершили это путешествие. Он даже заметил людей с Ближнего Востока.

Слухи о намерениях Геллерта распространялись, и вместе с ними росла его поддержка.

"Что это?" - спросил я. - спросил он, когда перед ним поставили миску с чем-то, похожим на красные помои, и тарелку с простым хлебом.

"Это была бы Иютеница, лорд Блэк", - объяснил Геллерт. "Думайте об этом как о приправе из перца и помидоров. Вы намазываете его на хлеб, вот так", - объяснил он, демонстрируя, как следует употреблять пищу.

Орион что-то проворчал, но последовал его примеру, одобрительно кивнув и откусив кусочек.

"Это неплохо", - признал он. "Это не бутерброд с беконом, но сойдет".

Геллерт рассмеялся, как он часто делал, над поведением Ориона.

"Здесьняя диета не такая, как в Англии, лорд Блэк. Возможно, мы могли бы обсудить с Селвином, как обеспечить вам какие-нибудь домашние удобства, когда он приедет? Он скоро должен быть здесь."

Орион согласно кивнул.

"Я бы съел стейк и пирог с элем, - заявил он, - и, может быть, немного картофельного пюре".

"Всему свое время, мой друг", - утешил Геллерт. "А, вот и мистер Селвин".

Дверь срикошетила от стены, когда ее распахнули, и разъяренный Титус Селвин ворвался в комнату.

"Ты даже свой собственный дом не можешь содержать в порядке, Блэк?" - выплюнул он.

Выражение лица Ориона немедленно сменилось гневом.

"Лучше бы у тебя была чертовски веская причина ворваться сюда и разговаривать со мной таким образом!" - прошипел он.

"Веская причина? Разве ты не получал моих писем?"

"Я здесь недосыгаем", - ответил Орион. "А теперь, продолжай с этим. Что гложет тебя за задницу?"

Селвин покачал головой.

"Ваш сын положил конец всем нашим деловым отношениям!"

"Персей сделал это?"

"Нет, другой, черт возьми!"

"Арктур?" - удивленно спросил Орион. "Что он сделал?"

"Всего лишь ввалился в Визенгамот, утверждая, что управляет твоей семьей в твое отсутствие. Из-за него я потерял целое состояние и был вынужден передать значительную сумму вам всем."

Орион одобрительно кивнул.

"Он всегда был не по годам развитым ребенком", - весело сказал он. "Если он счел нужным действовать таким образом, у него должна была быть причина".

Селвин был ошеломлен небрежным ответом лорда Блэка.

"Значит, ты ничего не будешь делать?"

"Это зависит от того, почему мой мальчик предпринял то, что он сделал. Он не дурак и не поступил бы так легкомысленно. Итак, Селвин, почему мой сын нацелился на тебя, или в этом

были замешаны другие?"

"Нет, это был только я", - признался мужчина. "Похоже, он обиделся на деловое предложение, которое я отправил в вашу сторону".

"И что бы это было за деловое предложение?"

"Я просто сделал предложение руки и сердца вашей младшей дочери".

"Ты сделал что?" - потребовал Орион.

"Это было сделано с благими намерениями..."

"И все же вам удалось оскорбить этим моего сына? Нет, это еще не все. Я узнаю правду об этом, или я сам поговорю со своим сыном".

"Больше ничего не было", - заверил его Селвин.

"Мне действительно трудно в это поверить, мистер Селвин", - вмешался Геллерт. "Либо сын лорда Блэка неразумен, либо вы говорите, что он неправильно обучил мальчика".

"Он неразумен!" - твердо сказал Селвин. "Он дал мне шестьдесят дней, чтобы заплатить золотом, и с тех пор все наши предприятия рухнули без вашего финансирования".

"Тогда они не были прибыльными", - пренебрежительно сказал Орион. "Похоже, что Арктур был прав. Как ты думаешь, Персей?" - спросил он, когда его сын вошел в комнату.

"По поводу чего?"

"Об Арктуре. Похоже, он взял бразды правления в мое отсутствие."

Персей натянуто кивнул.

Орион был очень недоволен тем, что двое его сыновей чуть не подрались, когда старший из них навестил их.

Он вернулся в Болгарию, разгневанный на своего младшего брата за проявленную им враждебность.

Он больше ничего не сказал по этому поводу, но Орион знал, что Персей все еще таит некоторый гнев по отношению к Арктуре.

"Что же он тогда сделал?" - спросил Персей.

"Он отклонил попытку лорда Селвина выдать Дорею замуж за его сына".

Персей фыркнул.

"Никто из твоих отпрысков не достоин нашей Дореи", - заявил он. "Будь моя воля, она бы осталась незамужней".

"Но это больше не в твоём будущем", - указал Орион. "Я полагаю, Арктуре решать, за кого она выйдет замуж, если, конечно, не будет представлен подходящий человек", - добавил он Гриндельвальду, который кивнул.

"Я уверен, что это произойдет в будущем, лорд Блэк".

"Итак, ваше предложение было бы отклонено".

"Но не таким образом от себя", - с горечью пробормотал Селвин, подозрительно глядя на Ориона, как будто он пытался разобраться в этом человеке.

"Нет, не таким образом, - согласился лорд Блэк, - но, тем не менее, отрицается. Теперь, если вы закончили ворчать, разве вас не пригласили сюда по какой-то причине?"

"Я был", - вздохнул Селвин.

"Итак, как продвигаются ваши усилия по привлечению большего числа людей на нашу сторону?" Вмешался Геллерт, наклонившись вперед в своем кресле и игнорируя свою еду в пользу разговора с женщиной.

"Не очень хорошо", - вздохнул Титус. "Те, к кому я обращался, не поддаются вашему делу. Британцы упрямы, мистер Гриндельвальд, полны национальной гордости и не склонятся перед иностранным влиянием".

Геллерт рассмеялся.

"Я так и думал", - ответил он с улыбкой. "Вот почему я восхищаюсь ими, но когда они поймут, что их положение беспомощно, я не сомневаюсь, что они подчинятся. Когда они увидят, как процветают люди на этой земле, они будут готовы к переговорам".

"Ты кажешься очень уверенным", - размышлял Селвин вслух.

"Британия - страна великой мощи, - признал Гриндельвальд, - но они никогда не сталкивались с такой силой, как моя. Единственный человек, который мог бы надеяться встретиться со мной лицом к лицу и выйти победителем, не сделает этого".

"Какой мужчина?" - спросил Орион.

"Альбус".

"Дамблдор?"

Геллерт кивнул.

"Тот самый. Он может быть полукровкой, но не заблуждайтесь, джентльмены, Альбус Дамблдор, возможно, самый одаренный, находчивый и, осмелюсь сказать, могущественный волшебник, которого я когда-либо встречал. Он один может представлять для меня угрозу, или, возможно, те дни остались позади, - загадочно добавил он, поглаживая палочку, спрятанную в рукаве. "Любой другой, кто мог бы оказаться таким достойным противником, либо присоединился ко мне, либо не в состоянии этого сделать".

"На континенте", - поправил Орион. "Я не знаю, как долго вы были вдали от Британии, Геллерт, но есть и другие вещи, которые должны вас беспокоить".

"Это так?" - весело спросил Гриндельвальд.

Орион кивнул.

"Нотты - это те, с кем вам следует быть осторожным".

"И Грюм", - добавил Селвин. "У них мало политического влияния, но они известны своей доблестью в бою".

"Не забывай Поттера", - продолжил Орион. "На данный момент, возможно, есть только Уильям, но говорят, что его сын довольно одарен. Сам Уильям не из тех, к кому можно относиться легкомысленно."

"Есть еще мальчик Фламель".

"Мальчик Фламель?" - спросил Геллерт.

"Племянник алхимика", - объяснил Селвин. "Само по себе это не проблема, но, по словам Малфоя, Фламель очень заботится о мальчике. Вся Франция вступит в войну, если Фламель тоже этого захочет."

Гриндельвальд ухмыльнулся.

"Вся Франция уже будет раздавлена под моей пятой, прежде чем мы обратим наше внимание на Великобританию", - заверил он их. "Я не беспокоюсь о Фламеле".

Орион покачал головой.

"Если мы не заручимся поддержкой в Британии со стороны известных семей, нас будет трудно привлечь в лоно церкви".

"Тогда мы покажем им, что у них мало выбора, джентльмены", - ответил Геллерт. "Завоевание Британии, возможно, даже не потребует. Они придут к нам".

Орион не был так убежден, как Гриндельвальд, но если и был человек, который мог воплотить в жизнь такое видение, то это был он.

До сих пор Ориону не давали повода сомневаться в этом человеке, и он не стал бы начинать сейчас, не тогда, когда они только начинали.

Прежде чем Гарри осознал это, ЖАБА набросились на него и остальных семикурсников, заставив многих испытывать стресс, а некоторых даже нуждающихся в медицинской помощи.

Как и во время "Сов" всего два года назад, некоторым студентам давали успокаивающие таблетки, а некоторым - снотворные, когда первые не помогли.

Выпускные экзамены, сдаваемые в Хогвартсе, очевидно, были названы без какой-либо иронии.

Они были противными и изматывающими.

Большую часть недели Гарри часами просиживал в Большом зале, завершая теоретическую часть своих оценок. Одна только "Трансфигурация" была пятичасовой работой с небольшим перерывом примерно в середине, а остальные, ну, он не мог дожидаться, когда они станут далеким воспоминанием.

Это была трудная неделя, и хотя он знал, что показал себя с лучшей стороны, это была не та

неделя, которую он будет вспоминать с особой нежностью.

По правде говоря, он был рад, что все закончилось, но теперь он столкнулся с реальностью того, что покинет замок всего через несколько коротких дней.

Это была не та мысль, которая наполнила его волнением, как он надеялся. Во всяком случае, это только заставило его осознать, что происходящее по всему миру больше нельзя игнорировать.

В безопасности стен замка было легко забыть, что за пределами Хогвартса существует мир, и тот, в котором он окажется, не будет благоприятным.

"Тогда все кончено", - печально заявил Чарлюс. "Хогвартса больше не будет. Поппи отправится в больницу Святого Мунго, чтобы стать лучшей целительницей в стране, а Августа и Фрэнк поженятся."

"Я буду со своим отцом изучать бизнес, - пропищал Тибериус, - и в Визенгамоте".

"Увидимся там", - усмехнулся Чарлюс.

"Минни все еще будет здесь, и Гарри..."

Никто не закончил предложение Огдена.

Все они знали, что будет делать Гарри, но открыто не обсуждали это между собой. Как будто они надеялись, что этого не произойдет, если они проигнорируют это, но этого нельзя было сделать.

Только сегодня утром Гарри получил весточку от Федорова.

"Буду в Бельгии, пока не завершу свои оценки", - объявил он, доставая послание из-под мантии. "Это продлится около двух месяцев".

Чарлюс почти выхватил конверт у него из рук, прежде чем просмотреть содержимое, и сдулся, когда закончил.

"Итак, это все?"

Гарри кивнул.

"Вы все знали, что это возможно", - отметил он. "У всех нас будут свои дела, но это не значит, что мы не можем встречаться и писать друг другу".

Чарлюс кивнул, одарив Гарри улыбкой, которой не доставало искренности.

"Я просто хотел бы понять, почему ты это делаешь, Гарри", - вздохнул он. "Ты мог бы сделать здесь так много замечательных вещей, но ты выбираешь это. Я просто не понимаю этого".

"Я и не жду от тебя этого", - фыркнул Гарри.

"Но ты только что снял свой дом", - вмешался Тиберий.

"И я планирую оставаться в нем так часто, как смогу", - ответил Гарри.

Он был доволен этой собственностью.

Для состоятельных людей это было бы мало, но коттеджа с тремя спальнями, который он снял для себя, ему было более чем достаточно. Изначально он хотел приобрести недвижимость, но владелец не желал расставаться с ней навсегда, по крайней мере пока.

На данный момент Гарри был доволен тем, что сдал его в аренду.

"Где это?" - спросил я. - спросила Августа. "Ты никогда не говорил".

"Это в Годриковой лощине", - ответил Гарри, его взгляд переместился на Чарлюса, который резко повернулся к нему.

"Годрикова лощина?" - спросил наследник Поттеров.

Гарри кивнул, усмешка тронула уголки его губ.

"Мне там очень понравилось, и когда я увидела, что дом свободен, я не смогла сказать "нет"."

Чарлюс одобрительно улыбнулся.

"Ну, это единственный выбор, с которым я могу согласиться", - усмехнулся он. "Мой отец будет рад услышать, что ты там".

Хотя Гарри был рад, что будет видеться со своими родственниками хотя бы раз в год на Рождество, это была не единственная причина, по которой он решил снять дом.

Для него Годрикова лощина была местом, где все началось, и хотя пройдет еще некоторое время, прежде чем он разберется с Томом Риддлом, Темный Лорд всегда был с ним, в уме и душе.

Волдеморт пришел за ним, когда он был ребенком, пока он был в деревне, забрал у него родителей, но Гарри отказался позволить им стать его единственными воспоминаниями о том, что было его первым домом.

Уильям, Анжелика и Чарлюс уже подсластили горечь его мыслей об этом месте, и он был полон решимости вернуть все это себе.

Возможно, однажды он вырастит там свою собственную семью. Когда все было сказано и сделано, Годрикова лощина была тем местом, откуда пришла его семья, и он не собирался позволять Волдеморту или Гриндельвальду, если уж на то пошло, забрать это.

Только не снова.

Однако, прежде чем отправиться в Годрикову лощину, а затем в Бельгию в ближайшие недели, ему нужно было сделать еще одну вещь, и для этого ему понадобится помощь единственного человека, которому он мог доверять.

Минерва грустно улыбнулась ему.

Она ясно дала понять, что ее не устраивают некоторые из его решений, но она поддержит его, и он будет полагаться на нее во время своих отлучек.

Пришло время ей узнать еще больше о том, что делало Гарри тем, кем он был.

На протяжении многих лет ее визиты в советню были нечастыми. Она не часто писала своим родителям, не желая подвергать своего отца странной форме общения, используемой ведьмами и волшебниками.

Было бы достаточно сложно объяснить бдительным соседям, почему дом Макгонагалл посетили совы.

Нет, так не пойдет.

Вместо этого она решила отказаться от отправки почты и ждала, чтобы навестить свою семью на Рождество и в течение летних месяцев в течение первых нескольких лет учебы в школе.

Почему Гарри попросил встретиться с ней здесь? Она не знала, но он был непреклонен в том, что она должна была прийти одна.

Он хотел поговорить с ней наедине, и не то чтобы они вдвоем не делали этого несколько раз за эти годы, но не таким тайным образом.

Когда она открыла дверь и заглянула внутрь, то увидела, что он гладит оперение совы, которую она ему принесла, с выражением нежности на лице.

"Значит, он к тебе привязался?" она спросила.

Гарри кивнул, его собственное выражение было озабоченным.

"что это?" - спросила Минерва.

"Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня, пока меня нет рядом", - пробормотал он, его глаза встретились с ее. "Директор знает об этом, как и профессор Дамблдор, и я знаю, что вы ему доверяете, но у меня есть свои причины не доверять".

"Это звучит довольно серьезно", - ответила Минерва.

Она заметила холодную и отчужденную манеру поведения Гарри, когда он разговаривал с ее наставником. Она никак не прокомментировала это, но это был первый раз, когда он признал, что между ними есть чувство разницы.

"Это так, - подтвердил Гарри, - настолько серьезно, насколько это когда-либо может быть".

"Что тебе нужно, чтобы я сделал?"

Гарри глубоко вздохнул.

"В сентябре в школу поступит мальчик. Профессор Диппет подтвердил, что он есть в списке."

"Мальчик?"

Гарри кивнул.

"Мне нужно, чтобы ты присматривала за ним, Минерва, причем очень пристально. Я не могу выразить, насколько опасным он окажется".

Гарри был взволнован, больше, чем она когда-либо видела его.

"Кто он такой?"

"Его зовут Том Риддл", - сказал Гарри чуть громче шепота, как будто сам мальчик мог появиться перед ними, если сказать это слишком громко. "Он тот человек, который убил моих родителей".

Минерва ахнула.

"Это был он?"

"Так оно и было, но все гораздо хуже, чем это. Он принесет войну в Британию, и многие погибнут. Я уже предпринял шаги, чтобы предотвратить это, и убью его прежде, чем он сможет стать тем, кем он когда-то был. А пока мне просто нужно, чтобы ты присматривал за ним и держал меня в курсе того, чем он занимается, где проводит время и с кем. Ты можешь это сделать?"

Минерва не могла отказать ему. Она хотела помочь ему так, как только могла.

"Конечно", - согласилась она.

Гарри одарил ее благодарной улыбкой.

"Тогда тебе понадобится это", - сказал он, доставая из кармана потертый кусок пергамента и благоговейно разглядывая его, прежде чем постучать по нему палочкой. "Я торжественно клянусь, что я не замышляю ничего хорошего".

Минерва могла только наблюдать, как на лицевой стороне пергамента начали формироваться слова, несколько странных имен, а затем карта школы, на которой можно было увидеть сотни маленьких помеченных точек.

"Это все в Хогвартсе?" она спросила.

Гарри кивнул.

"Эта карта - одна из немногих вещей, которые у меня есть, принадлежавших моему отцу, но она должна быть у тебя. Цепляться за это не принесет мне никакой пользы, не тогда, когда ты здесь."

Минерва взяла пергамент у Гарри, его хватка на мгновение сжалась, прежде чем он отдал его ей.

"Когда вы закончите с этим, просто постучите по нему своей палочкой и скажите: "Шалость удалась"."

Минерва так и сделала, и пергамент был таким, каким он был до того, как Гарри активировал его.

"Пожалуйста, присмотри за этим", - взмолился он.

"Я так и сделаю", - пообещала Минерва, беря его за руку, прежде чем он смог уйти. "И тебе лучше позаботиться о себе, Гарри Поттер. Я ожидаю, что ты будешь писать мне по крайней мере раз в неделю и навещать, когда сможешь".

Он улыбнулся и кивнул, и Минерва запечатлела долгий поцелуй на его щеке.

"Не думай, что я не приду искать тебя, если понадобится", - предупредила она. "Я потратил два года, работая с тобой над твоей трансфигурацией, не для того, чтобы ты просто бросил меня".

Гарри усмехнулся и покачал головой.

"Я вернусь", - поклялся он. "Как всегда".

Минерва кивнула и отпустила его.

Он был бы таким.

Во всяком случае, Гарри был человеком слова, и это был не последний раз, когда она видела его.

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2701125>